

Жизнь. 1994, - июль. - с. 8.

Король умирает. Бендер живет?

...Он появился в съехавшем на ухо, слегка напоминающем помятую корону ночном колпаке, босиком (почти клоунские туфли несла вслед служанка), с лицом подавленным и изумленным до придурковатости... Домашние сочувственно подались к нему, но он раздражительно вырвался, проскочил их строй и — жалобно залопотал что-то по-французски...

Нелепо. Смешно. Безрасудно. Волшебное. Притом настолько неожиданно, насколько это вообще возможно. В маленькой, будто самодеятельной, афишке значилось, что в Краснодаре, в рамках Дней французской культуры, группа московских артистов сыграет Ионеско по-французски. Что одним из них будет Сергей Юрский — лично я узнала за два часа до спектакля. Зато единственным, кого за час до звонка нашла в театре, тоже был именно он.

Познакомились. Пригласил на спектакль. Успокоил, что знать французский для этого совершенно необязательно.

— Что бы я сказал, если бы выступал перед спектаклем? Я бы сказал, что Эжен Ионеско — один из самых крупных и самых серьезных драматургов XX века. Один из самых необычных драматургов, оставивший целый театр Ионеско, который называют Театром абсурда. Его самого называют отцом абсурда, а так как слово «абсурд» нынче стало очень модным, у него появилось очень много детей.

Теперь о нашем спектакле. Пьеса «Король умирает» — пьеса о смерти. Могут быть разные трактовки, и можно свести дело к тому, что даже великая власть не спасает человека от финала... Но для меня как исполнителя главной роли — короля Беранже I — это совсем не важно. Для меня важно, что каждый человек — король в своей собственной жизни. И у каждого есть своя королева. И свои друзья, врачи, слуги. Словом, все те, кого он имеет и кого рано или поздно должен потерять.

Это настолько страшная пьеса, что я бы никогда не взялся играть ее по-русски. По-французски, на чужом языке — это гениально. И для меня есть своя сила в том, что мы разговариваем как бы одними звуками. Все равно словами это огромное и страшное не передать...

— А чья это идея — ездить по России с французским спектаклем?

— Инициатором выступил француз, довольно молодой, Патрик Роллен. Любитель театра, знаток его, режиссер. Он был полон интереса к России, приехал учиться и экспериментировать. Его идея заключалась в том, чтобы русские актеры сыграли в нашей русской школе на языке оригинала какую-нибудь пьесу.

Сослесь на этой вот пьесе — как на возможном, хотя и маловероятном. Но все случилось. Образовалась труппа из актеров разных театров: Ольга Яковлева, которая в данный момент представляет театр Маяковского, но вообще-то навсегда принадлежит театру Эфроса; Дарья Михайлова, известная киноактриса, работающая сейчас в «Современнике»; Тамара Котикова — в прошлом ленинградская актриса, теперь московская; Виталий Коняев из Малого, известный киноартист, памятный всем по фильму «Чистое небо»; Максим Суханов из театра Вахтангова.

...Не знаю, чем объяснить, что люди без всяких пояснений в течение двух с половиной часов смотрят спектакль на чужом языке и, имея антракт и полную возможность, — сказав, я уже совершил свой культурный подвиг, — удалиться, тем не менее остаются...

— Думаю, и со стороны актеров это «культурный подвиг»...

— Четверым из нас пришлось и прежде жить во Франции, говорить и играть по-французски. Я довольно

долго работал во французской группе актером — сначала в Париже, потом в Брюсселе... Связь с Ионеско тоже очень давняя. Мой интерес к нему был доказан 30 лет назад, когда я, не удовлетворенный существующими переводами, перевел две пьесы Ионеско: «Лысую певицу» и «Стулья», чтобы передать это по-русски так, как понимаю по-французски. Чтобы была не переводная мелодия, а музыка на русском языке. Пьесы пролежали около 30 лет. Этой весной, незадолго до смерти автора, никак не предполагая, что эти события совпадут, я поставил наконец одну из этих пьес с Натальей Теняковой и Александром Арониным. Так что нынешний год для меня — год Ионеско.

— Вы ощущаете себя внутри какого-то поколения?

— Под этим словом подразумевается обычно что-то конкретное, обязывающее меня разделять одни взгляды и не разделять другие. Если не партия, то по крайней мере группа, клан — ну, по-окуджавски, те, кто, «взявшись за руки»... Шестидесятники — это теперь ярлык. В какой-то степени я принадлежу и к пятидесятым, и к семидесятым годам...

— Но вы всегда стояли в стороне...

— Вот про это я и хочу сказать. Что, вовсе не чужаясь своих сверстников, принадлежал я только одному коллективу, и то не коллективу, а группе людей, связанных с Товстоноговым.

— Но теперь и они разбрелись...

— Нет, просто каждый избрал, порой совсем неожиданно, либо путь общественной деятельности, либо путь художественный, либо путь частной жизни. Басилашвили — оставаясь, конечно, актером, и довольно активным, — пошел первым путем. Я этот путь не избрал сознательно.

— Хорошо, вы действительно остаетесь неким изысканным лакомством нашей духовной жизни. А чем подпитываетесь сами?

— Мне кажется, сегодня есть что потреблять. Вопрос лишь в желании. Мы только что побывали на международном фестивале, посвященном памяти Ионеско, в Кишиневе — городе, всегда, в общем-то, окраинном. Но вот появились молодые ребята, молодой театр, который называется «Эжен Ионеско». Появился человек, актер, очень талантливый, выпускник московской Щукинской школы. Мы посмотрели два их спектакля, в том числе «Король умирает». Совершенно отличный от нашего, но очень мне понравившийся спектакль...

— Теперь совсем не слышно Юрского-чтеца. А ведь какой был блеск! Про вашего «Онегина» говорят: это была прокламация...

— «Онегин» — прокламация? Вот до чего мы дошли! Это замечательно! Нет, вы правы, правы. Сегодня я очень редко выступаю с концертами, но все-таки выступаю. Но в основном не в Москве. В Соединенных Штатах, например. Начинаю думать — не пора ли вернуться к московской публике?

— А у вас есть новые программы?

— Только что обновил программу — перед Америкой. 15 концертов — и ни один не повторился.

— Стало быть, чтобы услышать вашего Пушкина, теперь надо брать билет до Нью-Йорка?

— Во-первых, не пугайтесь. Собираетесь ехать в Нью-Йорк — уезжайте. А я с удовольствием вас там навещу. Во-вторых, я осенью приглашен в Краснодар, предполагаю показать одну-две программы...

— И все-таки для меня лично вы прежде всего непревзойденный Остап Бендер. Как вы сегодня относитесь к этому персонажу?

— Совершенно без перемены. Все нормально.

— Расхожая мысль: вот пришло время Остапов Бендеров...

— Нет, конечно, это ерунда.

— Как же вы, в таком случае, понимаете Остапа?

— Как Дон-Кихота, как Дон-Жуана, как вечную выдуманную фигуру, которая вне времени. Как Оппозиционный Дух...

— Так и нынче ему нет у нас места?

— Как оппозиционеру — разумеется. Те, кто говорит о времени бендеров, что-то перепутали. Это время не Бендера, а Корейко. При чем же тут Бендер?..

Ирина КИРЬЯНОВА.

(Наш корр.)

Краснодар.